

Саламбек, И. Первая любовь : [отрывок из повести] / И. Саламбек // Молодой коммунист. - 1965. - 22 декабря.

Иван Саламбек

Первая любовь

Чувашский писатель Иван Саламбек закончил работу над повестью «Первая любовь». Это произведение он посвящает 50-летию Советской власти. В повести рассказывается о жизни и чистых помыслах чувашских парней и девчат, комсомольцев двадцатых годов. Первая ее часть была напечатана в альманахе «Родная Волга» в 1958 году. Повествование ведется от лица главного героя — Миши Александрова. В 1927 году он едет работать секретарем райкома комсомола.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывок из третьей части.

Даже на пароходе, отправляясь на работу в новый район, я долго не мог успокоиться. Меня преследует милый образ Ирины. Образ, но не сама Ирина сейчас со мной. «Счастливого пути», — все еще звучит ее голос. По правде говоря, не так, а совсем по-другому мечтал я расставаться с ней. Я думал, что мы с Ириной будем вместе от Чебоксар до самого Канаша. И путь специально выбрал долгий: пароходом: от Чебоксар до Козловки, от Козловки до станции Тюрлема на подводе, затем до Канаша две остановки поездом. А потом мы, с ее согласия, конечно, могли бы заехать домой, в деревню. От Муньял я проводил бы ее в Лесное — это совсем недалеко. И через Урмары поехали бы опять вместе. Но мечтам не суждено было сбыться...

Нет, никак не пойму я Ирину до конца. Она может быть и такой, какой однажды я видел ее в саду: юной, ласковой... Но на этот раз она напомнила мне яблоню, которая сбрасывает с себя листья. Почему это так? Почему?..

Пароход наш плавно движется вниз по реке. Вечереет. Давно утихли-

угомонились пассажиры: одни сидят, другие лежат, и редко кто маячит на палубе. А я, как ступил на пароход, так все и стою, смотрю в открытый пролет, любуясь Волгой. Все тихо. Лишь волны, выбегая из-под кормы, нарушают спокойную гладь реки. В воде купаются белые облака. Когда волны достигают их, облака смешно подпрыгивают. Тогда я перевожу взгляд на берег. Красивы здешние места...

Вот и село Ивановское, — значит, восемнадцать километров отплыли.

Я не мог больше оставаться в духоте и вышел на балкон третьего класса. Облокотившись на перила, стал бродить глазами по правому берегу Волги. Вот и устье Цивилия — в этом месте река довольно широка. В середине ее застыл белый парус. А может быть, и не застыл, а движется — но издали не разобрать.

Мысли снова возвращаются к Ирине. Хорошо бы очутиться с ней на этой лодке с белым парусом. Как был бы я счастлив...

Белеет парус одинокий

В тумане моря голубом.

Что ищет он в стране далекой.

Что кинул он в краю родном?..

«Лермонтов, — шепчу я. — Звезда, блеснувшая во мраке темной ночи!».

Как облака, купающиеся в Волге, наплывают друг на друга размышления. Начинаю философствовать...

«Жизнь коротка,— думаю я, — но мы еще не умеем уважать друг друга. Как было бы хорошо на земле, если бы мир состоял из одних друзей!».

Вот и парус скрылся за дальним перекатом. А ощущение такое, будто не пароход идет по течению, а берег плывет вверх. В тот момент, когда пароход проплывал мимо устья Цивилия и поравнялся с парусом, мой слух тронули звуки чудесной мелодии.

Что это? — пытался я узнать. Не на той ли лодке играют? А, может, это ветер бродит в парусах и поет?

Ничего подобного слышать мне доселе не довелось. Музыка неотступно следует за мной, звенит в ушах непрерывно. В то же время кажется, будто она льется откуда-то изнутри, из сердца. Конечно, мне приходилось слышать немало хороших песен: чувашских, татарских, русских. Не только слышать, но и самому подпевать. Но они, эти песни, совсем не похожи на музыку, которая звучит сейчас. Я начал перебирать в памяти мотивы знакомых песен, сравнивать их с этой мелодией. И тут мне вспомнилась «Пчелка золотая», которую прекрасно исполнял хор Чебоксарского педтехникума, вдохновляемый композитором и дирижером Федором Павловичем Павловым. Как она звучала! И казалось, что в душе поднимаются самые прекрасные чувства, все самое лучшее, что живет в каждом человеке...

«Пчелка золотая ты, пчелка золотая ты,

Пчелочка.

Почему же ты жужжишь, почему же ты

жужжишь,

Пчелочка?..».

Сколько дум переворачивала эта песня, сколько сердец заставляла биться еще сильнее!

Пароход идет все так же плавно, «прижимаясь» к правому берегу. И давно уже не видно белого паруса, но незнакомая мелодия все еще продолжает доноситься откуда-то, лаская мой слух. Значит, никакой связи между мной и парусом нет? «Что за чудо? – недоумевал я. Откуда берет свою родниковую чистоту изумительная мелодия? И где рождается она? Не во мне же самом. А, может, это сон? Нет, я не во сне нахожусь, в здравом уме и твердой памяти. Так что же означают эти чудесные звуки, почему они не покидают меня?

Сделав несколько шагов по палубе, я остановился, как вкопанный: пленившая меня мелодия доносится сверху, из салона первого класса! «Вот тебе белые паруса, вот тебе пчёлка золотая!» — засмеялся я над собой. И тут

же пришло на ум другое: «А Ирина? Не так ли призрачны и мечты о ней?»

Я подошёл к белой лодке, висевшей на носу, прислонился к ней и долго стоял, наслаждаясь чарующими звуками музыки. Ах, эта мелодия! И придумал же человек такое: неживой инструмент, подчиняясь воле музыканта, может и вознести тебя до небес, и повергнуть в уныние. И вдруг запела скрипка. Звуки рояля, сводившие меня с ума, как бы уступили ей место, а сами пристроились за ней. И как шаловливые волжские волны, то удаляясь, то вновь приближаясь, звучало и звучало пение скрипки. От неожиданности я опешил. Очень хотелось побывать там, где рождаются эти волшебные звуки. «Но удобно ли будет?» - спрашивал я сам себя. Но ответ был один: «Надо непременно подняться наверх, тайна требует разгадки».

И ноги сами понесли меня в третий класс. У трапа, ведущего в мягкие места, я остановился. Дверь была приоткрыта, и было видно, как на лестничной площадке трое играли в карты. Я мигом взбежал по ступенькам и чуть-чуть не налетел на матроса, который драил коридор.

— Билет? – попытался остановить он меня.

— Я очень спешу, - пробормотал я, — не мешайте, пожалуйста...

Матрос, кажется, сказал что-то ещё, но его слова не дошли до моего слуха...

Салон был почти пуст: только двое сидели за столом и закусывали. За роялем восседал молодой человек и играл ту самую мелодию. Он то и дело высоко поднимал свои руки, явно рисуясь перед кем-то. Время от времени, не прекращая игры, резким движением головы он откидывал назад свисающие на лоб длинные волосы. Рядом с ним стояла красивая девушка. Она играла на скрипке. Белоснежная шелковая кофточка и черная юбка удивительно были ей к лицу. Тяжелая русая коса словно струилась по груди. Мне почему-то захотелось посмотреть ей в глаза. Но она, прижав подбородком скрипку, стояла с опущенной головой, и увидеть ее глаза было невозможно.

Я подошел к музыкантам поближе и стал с удовольствием слушать

музыку. Оба играли великолепно. Но меня волновало не столько исполнение, сколько сама неподражаемая мелодия. Сколько силы затаено в этой хрупкой скрипке! То рыдает она — и от ее печали сжимается сердце, то вдруг, наполняясь радостью и любовью, отрывает тебя от земли и приглашает парить над просторами... Забыл, где нахожусь, куда и зачем еду... Незнакомая музыка перевернула всю мою душу...

«Ирину бы сюда, — опять подумалось мне. — Была бы она здесь, со мной, и музыка звучала бы, наверно, еще прекрасней, а сама она стала бы, пожалуй, более близкой и понятной...».

Но вот мелодия оборвалась. Стало сразу тихо. Двое, сидевшие за столом, заплодировали. Я тоже невольно присоединился к ним, поднялся с диванчика и подошел к музыкантам.

— Простите, — не выдержал я, — вы играли прекрасно, большое вам спасибо. Но, бога ради, скажите, что вы исполняли сейчас?

Молодой человек круто повернулся на крутящемся стуле и смерил меня полупрезрительным взглядом.

— Полонез Огинского,— смущенно промолвила девушка. И тут я увидел ее голубые, как небо, глаза,

«Что такое полонез? И кто он, Огинский?» — хотелось спросить мне, по в это время протяжно загудел пароход — мы подходили к пристани.

— Мариинский Посад, — сказал молодой человек, — пойдём, Луиза, взглянем на сей град...